

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И СВОБОДА "ПО-РУССКИ"

РОМАНОВИЧ Нелли Александровна - кандидат социологических наук, директор Института общественного мнения "Квалитас" (Воронеж).

Отношение россиян к демократическим свободам заслуживает особого внимания социологов, поскольку демократические преобразования были предложены народу "сверху", и народ принял их, как принял бы и другое властное распоряжение. Что могло получиться в результате такого механического перенесения на российскую почву норм и стандартов, которые сформировались в принципиально ином культурном контексте (главным образом, были заимствованы у США)? Можно ли оспорить, что различия фундаментального характера, коренящихся в глубинных мировоззренческих пластах культуры России и Запада, существуют? Представления россиян о свободе, их специфика уже анализировались на страницах журнала [1]. Мы хотели бы поделиться результатами собственных исследований.

Институт общественного мнения "Квалитас" в течении пяти последних лет проводит ежемесячные опросы населения г. Воронежа (выборка - 600 человек, репрезентативна для населения города Воронежа старше 18 лет, метод опроса - личное интервью), которые свидетельствуют о ценностных ориентациях, жизненных приоритетах и общественно-политических установках опрошенных. Воронеж является типичным средне-русским городом. Неоднократным подтверждением этого служили совпадения результатов опросов воронежцев с результатами общероссийских опросов ведущих социологических служб (ФОМ, ВЦИОМ и т.д.).

Данные, полученные из ответов на вопрос "Готовы ли Вы поступиться частью своих демократических свобод (слова, печати, зарубежных поездок, валютных операций и прочее) в обмен на стабилизацию экономической и политической ситуации в стране?", казалось бы, свидетельствуют, что большинство опрошенных не ценит демократические свободы. Не готовы пожертвовать частью своей свободы ни при каких обстоятельствах лишь 14% респондентов в 1998 г. и 15% в 2000 г. Положительные ответы варьировались в зависимости от условий отказа от свободы: соответственно 61 и 57% респондентов поступятся свободой, если получают возможность работать, вовремя получать зарплату (пенсию); 19 и 37% - если в результате снизится уровень преступности в стране; 21 и 31% - потому что не чувствуют пользы от своей свободы.

Одни готовы променять свою свободу, если сделка покажется им выгодной, другие вообще не понимают, зачем им свободы. Наблюдается тревожная тенденция: растет число желающих обменять свои свободы на гарантию снижения уровня преступности в стране. С 1998 по 2000 гг. это число выросло почти в два раза. Но самое печальное явление - это увеличение числа тех, которые готовы расстаться со своей свободой даром.

Напрашивается вопрос: только ли воронежцы "попирают" демократические ценности? Обратимся к общероссийским данным (результаты опроса 3000 россиян РНИСиНП в июле 1998 г. по репрезентативной для российского населения выборке). Респондентам предлагалось сделать выбор: полная демократия при слабых гарантиях личной безопасности или твердая власть при полной гарантии личной безопасности. Первую ситуацию выбрали всего 10,5%, вторую — 58,7% опрошенных (30,8% затруднились ответить). Как видим, ценность демократии и здесь достаточно низка. Но

давайте вспомним, что безопасность относится к числу базовых потребностей человека, которая явно не удовлетворяется в сегодняшней России. Остается удивляться не тому, что 58,7% опрошенных выбрали безопасность, а тому, что остальные 41,3% ее не выбрали!

Может быть, дело не в том, что наши соотечественники не любят свободу, а в том, что в России иное представление о задачах государственной власти и иное представление о свободе, которое отличается от демократии западного образца? Нынешняя жизнь воспринимается значительной частью населения как нечто "ненормальное", чужое, вынужденный ход, который имеет смысл и оправдание только в том случае, если он приведет в перспективе к становлению "нормального" положения вещей. Как показывает анализ представлений о социально-экономических функциях государства, традиции патернализма по-прежнему доминируют. Многие убеждены, что именно государство должно решать общественные проблемы. Следовательно, "слабое" государство в России просто невозможно, потому что народ не будет признавать его "настоящим", "правильным" государством. К социальным функциям государства 94% респондентов, по данным РНИСиНП, относили в 1998 г. прежде всего гарантию оплаты труда в соответствии с его количеством и качеством; 86,1 - гарантию минимума доходов для каждой семьи; 85,6 - гарантию занятости для всех, кто в этом нуждается. Однако половина опрошенных (50,3%) все же считала, что каждый человек должен сам заботиться о материальном благополучии своей семьи, не рассчитывая на государство. В то же время даже среди них почти 80% были убеждены, что вообще-то, в идеале, именно государство должно обеспечивать семье минимум доходов. А это значит, что массовое сознание россиян не просто неоднородно, оно внутренне противоречиво.

В сознании граждан уживаются две модели: патерналистская, унаследованная от прошлого, и индивидуалистическая, выступающая для большинства как навязанная обстоятельствами жизни, но все-таки уже принятая, "реальная" модель решения собственных проблем. Хотя на словах рыночную экономику поддерживают около половины населения, число сторонников свободной конкурентной (а не государственного регулируемой) модели рыночной экономики не превышает 30%. Сегодня число сторонников сильного государства больше числа сторонников его либеральной модели, а государственное регулирование экономики имеет большую поддержку, чем свободная конкурентная экономика.

Вырисовывается принципиально иная модель взаимоотношений личности и государства, нежели существующая в Западной Европе, где государство выступает гарантом интересов прежде всего личности и ее взаимоотношений с обществом. Однако, это вовсе не означает склонности населения к тоталитарному обществу. Легитимно для россиян будет только такое государство, которое будет соблюдать не свои интересы как государства, воплощенного в госаппарате, а интересы общности, отражаемой понятием "народ". Российская социокультурная модель предполагает приоритет интересов общества, выразителем которых выступает государство, с правом личности "быть услышанной". И только законы такого государства население будет признавать справедливыми и готово будет соблюдать. Личные свободы и демократические права, хотя и важны, не являются решающими и отступают в тень перед другими соображениями - интересами общности (народа). Именно в этом смысле можно говорить о коллективизме россиян. И в этом смысле справедлив известный тезис о "жертвенности" как характерной специфике российской культуры. В этом контексте находится и объяснение долготерпению народа. Терпение заканчивается там, где заканчивается вера в то, что нужно потерпеть для общего блага.

Если вспомнить известный лозунг французской революции, который в зависимости от того, на какой его части делается акцент, приводил к очень разным моделям капиталистического общества, то можно сказать: для россиян приоритетны равенство, братство и лишь затем - свобода, понимаемая как независимость личности. При этом политические права и свободы относительно не важны. Это связано с тем, что не те

или иные политические силы, а именно государство должно быть выразителем общих интересов, и принимая во внимание интересы отдельных личностей и социальных групп, должно проводить политику, направленную на благо всего народа. Нет нужды говорить о том, как далек такой социальный запрос к власти от того, что сейчас имеет место в России.

С 1995 до 2000 гг. государство и общество в России жили как бы в двух разных мирах, и отчуждение населения от власти в конце правления Б. Ельцина достигало своего пика. После прихода к власти В. Путина наступил перелом в отношении населения к верховной власти. Разочарование и подозрительность сменились надеждой и доверием. Рейтинг Путина необычайно высок. На вопрос, заданный в открытой форме: "Кто из ныне действующих россиян, независимо от рода их деятельности, достоин быть Президентом России" - 52% воронежцев назвали В. Путина (опрос, проведенный Институтом общественного мнения "Квалитас" в январе 2002 г., выборка - 600 человек). Открытые вопросы зачастую ставят респондентов в тупик и остаются без ответа. Крайне редко одинаковый ответ дают более 20-30% респондентов. В 1999 г. при ответе на этот же вопрос никто не назвал действующего в то время президента Б. Ельцина. То, что большинство опрошенных указало на В. Путина, свидетельствует не только о политическом, но и о харизматическом лидерстве президента среди населения. Ведь вопрос был даже не о том, кто бы лучше справился с этой должностью. В вопросе шла речь о достоинствах личности, которые бы соответствовали должности Президента России.

Следует отметить, что доверие к президенту вовсе не означает автоматического доверия к исполнительной и законодательной власти. По данным "Квалитас", при ответе на вопрос "Какие изменения в системе государственной власти способствовали бы защите интересов таких людей, как Вы?" 18% респондентов считают, что никаких изменений вносить не надо; 41 - усиление власти президента; 12 - уравнивание властных полномочий президента и парламента страны; 4 - возвышение власти парламента страны над властью президента; 25 - другие изменения (опрос проведен в июне 2001 г., выборка - 600 чел.). Меньше всего люди хотят возвышения власти парламента над президентом. "Сильный президент - сильная страна, а сильный парламент - сильные распри", - так рассуждают опрошенные.

Выбор респондентами одного из двух противоположных суждений не оставляет сомнений: 21% считают, что нельзя допускать, чтобы власть в России была отдана в руки одного человека; 70% - в стране должен быть хозяин, нашему народу нужна "сильная рука". На вопрос "Что сейчас более необходимо - демократия или порядок?" 82% респондентов с уверенностью ответили: "порядок" и только 11% опрошенных выбрали демократию. Несмотря на существование партий, народ по-прежнему считает, что непосредственная власть и должна представлять его интересы. Результаты опроса, проведенного "Квалитас" 16-18 октября 2001 г. среди жителей г. Воронежа, это подтверждают. В ответах на вопрос о том, кто должен представлять интересы жителей города в Государственной Думе, 25% опрошенных полагают, что представители местных властных структур; 17% - руководители промышленного комплекса и только 14% - "представители политических партий". Если бы горожанам разрешили выбирать, каким органам власти следовало бы предоставить больше прав и полномочий, то сторонников увеличения власти президента (18%) насчитывалось бы в два раза больше, чем сторонников увеличения власти Госдумы (9%). Партии существуют, по мнению респондентов, чтобы "осветить проблемы со всех сторон" и договориться, но договариваться не по принципу "политического торга" (такая практика россиян раздражает), а по принципу совместного поиска истины, выработки объективно лучшего для всей страны решения.

С пониманием россияне демократии тесно связана их трактовка свободы. Личным свободам в прямом демократическом смысле россияне особого значения не придают. Но не потому, что свобода для них вообще не важна. Все опросы свидетельствуют, что без свободы жизнь для большинства россиян потеряла бы смысл. Просто свобода в

российском понимании - это, скорее, возможность вести жизнь "по душе", быть самому себе хозяином, чем реализация каких-либо прав.

Для прояснения важных глубинных культурных ценностей в российском понимании свободы обратимся к святоотеческому наследию. Святой Григорий Нисский утверждает: "Человек освобожден от необходимости и не подчинен владычеству природы, но может свободно самоопределяться по своему усмотрению. Ибо добродетель независима и сама по себе госпожа" [2]. О том же говорит Антоний Великий: "Бог создал душу свободною и самовластною, и она вольна поступать как хочет - хорошо или худо" [3]. Здесь подчеркивается мысль об отсутствии власти внешних обстоятельств над волей человека, никакие из них не могут гарантированно предопределить его поступок. Кроме того, согласно православной философии, свобода души — это не просто отсутствие внешней зависимости, а наличие положительного содержания, нравственное самоопределение личности, нравственное самосознание. Вне этого содержания речь идет уже не о свободе личности, а о произволе индивида, о "формальной свободе" по определению Бердяева: "Я хочу, чтобы было то, что я хочу" [4]. Демократические свободы воспринимаются россиянами как "формальные свободы", а, значит, второстепенные и малозначащие. Они никак не связаны с дилеммой выбора между добром и злом, их отсутствие не отнимает внутренней духовной свободы человека. Почему же демократические свободы оказались столь важны в понимании западного мира?

Православное воззрение на природу человека принципиально отличается как от протестантской доктрины, так и от европейского гуманизма, возродившего традицию античных стоиков. Суть расхождения с протестантизмом состоит в том, что православие утверждает свободу нравственного самоопределения человека, протестантизм ее отрицает. Отец европейской Реформации Лютер сводит "естественный выбор" человека только к одному пути - пути греха: "Утверждение, будто бы воля свободна в выборе добра и зла, есть ложь: воля - раба", "После грехопадения человек подобен гнилому дереву: он ничего не может ни желать, ни делать, кроме зла" [5]. Соответственно, этому представлению, внешние свободы оказываются единственными свободами, которыми может располагать человек. Борьба за внешние свободы при отсутствии внутренней свободы уже заслуживает усилия и жертв. Поэтому, преобразяя общественную жизнь, можно добиться изменения в лучшую сторону и самого человека - вот логика западного мира.

Восточная православная философия предлагает противоположную логику: путь к преобразению общественной жизни лежит в "воссозидании" человека. Несравненно большим злом, чем внешняя зависимость человека в общественной жизни в святоотеческом наследию является внутренняя несвобода человека, его порабощенность злыми страстями и своими прихотями. Основатель восточного монашества Антоний Великий утверждает по этому поводу следующее: "Свободными почитай не тех, кои свободны по состоянию, но тех, кои свободны по жизни и нравам. Не должно, например, называть истинно свободными знатных и богатых, когда они злы и невоздержанны, потому что такие суть рабы страстей".

На наш взгляд, представление о существовании свободы в православном контексте не было разрушено, потому что перешло в разряд мировоззренческих основ российского народа, которые значительно медленнее поддаются каким-либо изменениям, чем общественное мнение. Следует заметить, что советская мораль содержала в себе далеко не одну лишь коммунистическую составляющую, но и многое из уцелевшей, несмотря ни на что, русской традиции, что способствовало передаче основополагающих ценностей последующим поколениям. Демократические свободы именно потому столь мало ценятся россиянами, что они занимают далеко не первое место в списке ценностных приоритетов, выработанных многовековой национальной культурой.

Всякое общество построено на общественной морали, а всякая общественная мораль построена на доверии людей к определенным идеологическим ценностям. Рушатся ценности, рушится и мораль, рушится мораль - рушится и общество. На

протяжении последнего столетия была предпринята двукратная попытка разрушить систему русских традиционных ценностей "до основания, а затем" построить иную, новую систему (революция 1917 года и годы либеральной трансформации). Но всякий раз новая система ценностей, внешне сильно отличаясь от старой, тем не менее, во многих своих чертах, особенно глубинных, повторяет вроде бы отвергнутую мораль. Очевидно, что глубинные фундаментальные ценности не были окончательно разрушены, а деструкции подверглась лишь более поверхностная система приоритетов. Базовые ценности, словно птица феникс, возрождаются из пепла. С разрушением базовых ценностей общество прекращает свое существование. Возможно, за "легкомысленным" отношением россиян к демократическим ценностям стоит просто инстинкт самосохранения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шабанова М.Л.* Образы свободы в реформируемой России // Социол. исслед. 2000. № 2.
2. *Григорий Нисский, св.* Творения, М., 1862, Ч.А. С. 295.
3. Добротолюбие. Сергиев Посад, 1992. Т. I. С. 67.
4. *Бердяев Н.* Философия свободы. М., 1911. С. 21.
5. Цит. по: *Мережковский Д.С.* Реформаторы. Брюссель, 1990. С. 48.
6. Добротолюбие. Сергиев Посад, 1992. Т. 1. С. 67.